

ДАРЬЯ
ЦОРДАНСКАЯ

МЕРТВАЯ
НЕВЕСТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И75

Иллюстрация на переплете и внутреннее оформление
художницы *Пихта*

Иорданская, Дарья Алексеевна.

И75 **Мертвая невеста / Дарья Иорданская.** — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

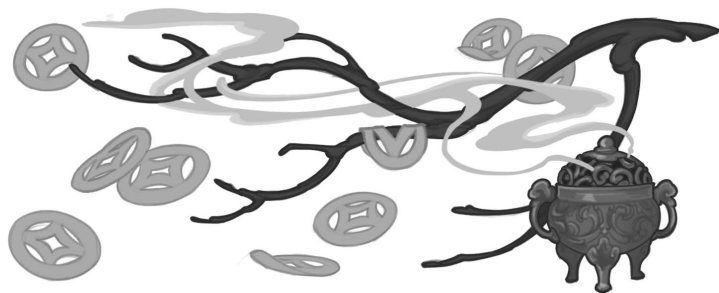
ISBN 978-5-04-236165-4

Студент-медик Цин Чень возвращается в небольшую горную деревушку Цинтай, откуда семнадцать лет назад сбежал его отец. С собой он берет друзей — избалованного богача Хо Яна, который мечтает найти в местных пещерах сокровища, и его девушку Бай Лусы, которую посещают странные видения. Горная долина встречает их дождем, туманом и легендой о мстительном призраке, который убивает всякого, кто осмелился нарушить покой этих мест. Спутники Цин Ченя не верят в местные сказки... пока в долине не начинают пропадать журналисты, приехавшие снимать здесь фильм.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236165-4

© Иорданская Д., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

10 августа 2010

Хо Ян гнал машину по горному серпантину беспечно, на такой скорости, словно был бессмертным. На поворотах сердце выпрыгивало из груди и Цин Ченю мерещилось: вот машину заносит, она пытается затормозить, шины с визгом буксуют на дороге, круг, другой, третий — и новенькая, пронзительно-алая тойота летит в пропасть. Грохот, взрыв — как в кино, — эхо его разносится по окрестным ущельям. И наступает тишина.

Мертвая тишина.

Чень тряхнул головой, отгоняя дурные, злые мысли. Хо Ян — придурок, но придурок везучий. Такие, как он, не попадают в аварии, не платят за свои ошибки и преступления. Такие, как Хо Ян, на удивление живучи.

— Далеко еще, Четырехглазый?

Чень поморщился. Хотелось промолчать — он терпеть не мог это глупое прозвище, впрочем, его бы раздражало и любое другое. Прозвища, они для друзей, а их-то у Ченя и не было.

— За следующим поворотом увидишь вход в ущелье, — ответил он. — Сбавляй скорость.

На секунду показалось, что Хо Ян так и будет гнать вперед и страшное видение все же сбудется. Но вот машина сбросила скорость, весьма изящно вписалась в поворот и затормозила. Дорога раздваивалась. Вправо она шла с прежними извивами вдоль отвесной скалы; слева начинался тоннель, прорубленный в скале много сотен лет тому назад. Он был широк, без труда разъехались бы и три машины, и совсем короток. Впереди уже видно было затененное, залитое зеленоватым светом ущелье, которое вело в долину Цинтай. С края притулился небольшой магазинчик, последний оплот цивилизации.

За семнадцать лет, кажется, ничего не поменялось, и даже вывеска осталась прежней, какой ее запомнил Чень: прямоугольный кусок жести, на котором грубо нарисована гора. Надпись стерлась больше чем наполовину, иероглифы меняли свое значение, и прочесть что-либо было невозможно. На пороге, облокотившись на старый, выдавший виды холодильник с мороженым и пивом, сидел хозяин, сухой, голенастый, неопределенного вида. Даже с расстояния Чень мог учуять вонь его дешевой, самопальной сигареты. Табак выращивали прямо тут, в долине. Во всяком случае, тут *это* называли табаком.

Дядюшка Яо...

— Твою мать! — Хо Ян бросил взгляд на приборную доску. — Бензин на исходе.

«Еще бы, — мрачно подумал Чень. — Так гнать, дрифтовать. Чудо, что мы сюда добрались».

— Есть у этого старикана горячее?

Чень неопределенно пожал плечами.

— Лан, попытаем счастья, — хмыкнул Хо Ян и вылез из машины.

Чень прикрыл глаза. Хотелось, чтобы все это побыстрее закончилось. Снова хлопнула дверца, салон заполнил запах бензина.

— Погнали!

Хо Ян завел мотор и впервые за всю дорогу проявил тень беспокойства:

— А если дождь будет, нас не смоет?

Нехотя открыв глаза, Чень посмотрел на небо. Ветер гонял тучи, черные, полные воды. Они цеплялись за горные вершины. По местным поверьям, если дождь начался, то идти будет, пока не найдется смельчак, который поднимется на вершину и не оторвет эти самые тучи, не подтолкнет их дальше. Может, это и правда. Во всяком случае, дожди тут иногда идут неделями. Или это время так искажает детские воспоминания?

Вдалеке послышался удар грома, раскаты его повторились многократно, отражаясь от гор, докатились до дороги, заставили дребезжать стекла.

— Ща ливанет! — отчего-то радостно сказал Хо Ян и повернул к тоннелю.

Чтобы миновать его, потребовалась всего пара минут. Краткосрочная темнота — была в тоннеле точка, до которой не доставал свет с обоих его концов, — и машина въехала в зеленоватый сумрак. На дне ущелья всегда стоял туман. В иные дни — или это снова детские воспоминания? — он скрывал людей до пояса и тонкими гибкими плетями стучался в окна машин. Словно таилось в темноте невиданное чудовище, туманный осьминог. Еще несколько минут они ехали по ущелью, и Хо Ян, охваченный странным благоговением, не повышал скорость. Очень медленно, постепенно дорога расширялась,

и наконец машина въехала в долину. Заглушив мотор, Хо Ян привстал, оглядывая открывшийся перед ним пейзаж.

— Ни хрена ж себе!

Чень потер разнывшиеся виски. Раскат грома раздался где-то совсем рядом, над этими самыми горами; тучи сгустились еще больше, и дождь хлынул сплошной стеной. Великолепная долина скрылась в сумраке.

— Поехали.

— Погодь минуту. — Хо Ян обернулся через плечо, высматривая что-то в сумраке ущелья. — Вот они.

Чень тоже обернулся и увидел медленно движущийся к ним автомобиль. Старенький, серый — не чета красной тойоте Хо Яна, — чихающий через каждый метр. Эту машину знали все в кампусе.

— Какого черта?! — пробормотал Чень.

Стекло опустилось, и А Ли, вездесущий и невероятно надоедливый репортер студенческой газеты, высунулся чуть ли не до половины, чтобы помахать приветственно рукой.

— Я решил, в компании веселее, — радостно сообщил Хо Ян, чрезвычайно довольный своей выходкой.

Это в планы Ченя не входило. Ему не нравился А Ли; ему, положа руку на сердце, вообще никто не нравился. И тем не менее...

— Поехали. — Хо Ян снова завел мотор и начал спуск в долину.

Все его лихачество куда-то подевалось. Дождь усиливался, заливая лобовое стекло, дорога была скользкой и непредсказуемой. Впереди зажглись уже огни деревни, но сумрак и дождь исказили расстояние, и невозможно было понять, сколько до них ехать в действительности.

— Останови у первого же дома, — попросил Чень, с беспокойством оглядываясь. Серая развалюха А Ли,

едва различимая за струями дождя, ехала следом. Видны были одни только фары, и невозможно было разобрать, сколько же человек в салоне.

— Кого ты пригласил? — спросил Чень, стараясь скрыть беспокойство в голосе.

— Да клад по-любасу придется с местными делить, — отмахнулся Хо Ян. — Челом больше, челом меньше...

— Не в этом дело... — Чень осекся. *Мне не нужны свидетели.* Глупо звучит. Не следует говорить это вслух. — Неважно. Тормози.

Дом Второго дяди не изменился совершенно. Он выплыл из тумана и сумрака, как это бывало в детстве, когда Чень с другими мальчишками добежали до конца деревни, чтобы поглазеть на тоннель. Дом был старый, одна стена его покосилась, крыша растеряла половину черепицы, и ее заменяли найденные где-то в горах пластинки сланца. Когда шел дождь, вода перетекала через забитый грязью и листьями желоб. Внутри с потолка непременно капало, и Вторая тетья расставляла по всем комнатам медные тазы. Очень скоро вода попадала на семейный алтарь, ароматические палочки гасли и по комнатам растекался неприятный влажный запах.

Плесень — вот что навсегда осталось в детских воспоминаниях Ченя. Проклятая черная плесень, покрывающая все вокруг.

Хо Ян остановился, посигналил, и спустя пару минут дверь раскрылась. На порог лег ярко-желтый прямоугольник света, расчерченный графичным дядиным силуэтом.

За семнадцать лет Второй дядя, к удивлению Ченя, совершенно не изменился. Он оставался таким же высоким, худым, с тонкой длинной шеей, торчащей из воротника-стойки. В традиционной одежде Второй

дядя ухитрялся выглядеть одновременно внушительно и комично, словно персонаж какого-то телефильма.

— Кто тут? — крикнул он. Чень почти физически ощутил, как маленькие, очень темные, почти черные глаза дяди обшаривают машину и пытаются заглянуть за слегка затененные стекла.

— Дай я поговорю, — попросил Чень и с неохотой выбрался из машины. Оглянулся. Развалюха А Ли также съехала со склона и остановилась неподалеку. Фары едва горели, в салоне было темно. Сколько людей затащил придурок Хо Ян в Цинтай?

— Чень?! — изумленный голос дяди вернул его к реальности. — Чень, это ты?

Ощущения, на мгновение притупившиеся, вернулись. Вода била по голове и плечам, сильно, больно; под ногами хлюпала жидкая грязь. И пахло знакомо: болотом, влажным камнем, плесенью, дядиным табаком, тетиной стряпней, которую никогда нельзя было назвать вкусной.

— Это и правда ты! — Дядя сделал шаг вперед, еще один и заключил Ченя в объятия. Крепко, так, что затрещали кости. — Ты вернулся?

— Вернулся, — эхом отозвался Чень, пытаясь выпутаться из дядиных рук.

— Твои друзья? — Второй дядя посмотрел через плечо Ченя. — Бабушка Цин будет очень рада.

В этом Чень сомневался. Бабушка, сколько Чень ее помнил, всегда была суровой и непримиримой женщиной, которая терпеть не могла чужаков. Цинтай была ее маленьким королевством, и нарушители границ карались самым строгим образом: тех, кто вторгся во владения госпожи Цин, безжалостно выдворяли; тех, кто осмелился бежать, забывали с той же безжалостностью. За

все семнадцать лет бабушка даже письма не написала, не говоря уже о телефонном звонке. Впрочем, отец Ченя точно так же не стремился к общению со своей матерью.

— В Главном доме всех не разместишь... — Второй дядя выпустил наконец Ченя из объятий и сразу же развил так знакомую по детским годам бурную, но бессмысленную деятельность. — Есть еще места в доме при храме. Да, точно. Я сейчас все приготовлю. Скажи своим друзьям, чтобы поставили машины под навесом. Дальше вы не проедете, третьего дня тоже дождь был, дорогу размыло. Погоди, я вам дождевики дам.

Дядя на мгновение скрылся в доме и сразу же вернулся, неся целый ворох старых, дырявых дождевиков, от которых проку было меньше, чем от плотной кожаной куртки Ченя.

— Ну давай, зови же друзей. А у нас, кстати, еще гости, завтра обещали показать им местные обряды. Телевизионщики, фильм снимают, а еще...

Дядя все говорил и говорил, но Чень давно перестал его слушать. Дверца заднего сиденья открылась, и из развалюхи А Ли выбралась тоненькая фигурка в длинном светлом пальто. Было темно, пелена дождя скрадывала все подробности, но не узнать ее было невозможно. Чень, как круглый идиот, давно уже изучил каждую ее черточку, каждый жест, мог без труда сказать, не глядя в лицо, улыбается она или хмурится.

— Бай Лусы...

* * *

Идеи Хо Яна всегда отличались некоторой экстравагантностью. За то время, что Лусы с ним встречались, она успела прыгнуть с парашютом, полетать над горо-

дом на вертолете, поучаствовать в ночном нелегальном скоростном заезде, ей даже пришлось удирать от полицейских после неудачной попытки ограбления ювелирного магазина. Подруги завидовали. Подруги восхищались тем, как красиво Хо Ян умеет ухаживать. У Лусы от этих «ухаживаний» мороз бежал по коже.

Новая его идея была не лучше. Горная деревушка, лежащая где-то в долине, скрытая от глаз. Готовая декорация для фильма ужасов о беспечных горожанах, сунувших свой нос в чужие дела. Однако спорить с Хо Яном было бесполезно. Он хотел побывать в этой самой деревне, несмотря на то что от одного ее названия — Цинтай¹ — становилось не по себе. Один из приятелей — их у Хо Яна было просто невероятное количество — соблазнил рассказами о пещере с сокровищами. Лусы в подобные сказки не верила, а вот Хо Яна удивительно легко было завести историями о старинных гробницах, бронзовых украшениях и резных нефритах. Порой ему повсюду мерещились клады. Конечно же, за Хо Яном увязался Джеки — этот не упускал случая срубить легких денег. Поехала Ночь, безотказная, всегда следующая, куда ей укажут. А Ли и Хон поехали из любопытства, эти двое мнили себя знаменитыми кинодокументалистами, хотя, признаться честно, у них и обычные репортажи о прорыве трубы в кампусе или со студенческой конференции выходили скверно. Зачем Лусы согласилась поехать, почему втиснулась в старый, разбитый, дребезжащий автомобиль А Ли? Она и сама этого сказать не могла.

Дорога заняла куда меньше времени, чем Лусы думала. Всего шесть часов в тесной металлической коробке,

¹ Цинтай можно перевести как «мох», «заросшая мхом впадина» или «осадок».

наполненной насыщенным запахом сладкого одеколона Джеки, сигарет Хона и пота, еще полчаса по серпантину, и они нырнули в темный тоннель, прорубленный прямо в горе. Стоило только оказаться под его темными сводами, и накрыла волна какой-то потусторонней жути. Лусы сглотнула, сцепила пальцы, переплела их крепко, до боли, глуша панику. В последнее время приступы ее почти не беспокоили. Возможно, из-за постоянных придумок Хо Яна. После его затей глупо было бояться чего-то смутного, недооформленного. Свидания с Хо Яном легко могли окончиться совершенно реальными неприятностями. И вот после двух или трех месяцев знакомый ужас нахлынул вновь, перехватило дыхание, ладони вспотели, на висках выступили капли пота. Нестись по ночному городу в кабриолете с откинутым верхом на скорости много выше допустимой было не так страшно, как сидеть в этой старой развалюхе, медленно проезжающей тоннель.

С другой его стороны были туман и дождь. Приглядевшись, можно было разглядеть далекие огни селения. Россыпь их совершенно не давала представления ни о размере, ни о форме деревеньки, и потому мерещилось что-то совсем уж средневековое, даже дикарское. Большой дом на возвышении, жилище старейшины и место для собраний. Лошадиные черепа на столбах, оплетенных цветными лентами, странные идолы, поставленные загадочным горным богам, о которых давно уже все позабыли. Домишки, разбросанные по всей долине, тоже старые, выглядевшие причудливо, и возле каждого какой-нибудь идол, алтарь или вырезанное из дерева или камня чудовище. Откуда родился этот образ, Лусы не знала, но ее воображение частенько выкидывало такие фортели.

— Приехали наконец, — сказал А Ли, паркуясь неподалеку от спорткара Хо Яна.

Лусы нажала на ручку и поспешила выбраться из машины. Ее в эту минуту не волновал дождь, наружу гнало желание вдохнуть свежего воздуха. Он отдавал плесенью и стылой сыростью, но все равно был лучше той приторной сладости, что всегда окружала Джеки, точно облако. Лусы вдохнула полной грудью и почти сразу же сообразила, что дождь проливной, бьет ее по плечам и голове, затекает за шиворот и полностью промочил легкое пальто за несколько мгновений. В багажнике лежала дорожная сумка с парой смен одежды — опыт общения с Хо Яном научил Лусы, что ко всему следует быть готовой, — но вот запасного плаща или хотя бы зонтика она с собой взять не догадалась.

— Держи.

Лусы вздрогнула и обернулась на звук голоса, который слышала нечасто. Тихий и невыразительный, он отчего-то намертво врезался в память, и без труда можно было услышать его даже среди гомона толпы. Цин Чень стоял рядом, протягивая потрепанный, знавший лучшие времена дождевик.

— Дальше придется идти пешком.

Лусы кивнула и быстро натянула дождевик, пахнувший старой резиной, прогорклым рисом и все той же плесенью, продолжая рассматривать Цин Ченя. Они за все время знакомства едва парой десятков ничего не значащих слов перекинулись, но именно это и заставляло Лусы то и дело бросать на этого почти что незнакомца жадные, заинтригованные взгляды. Он не входил ни в число ее поклонников, ни в число противников — таких было примерно поровну. Он был по-своему уни-

кален. И именно это буквально притягивало внимание Лусы.

А еще именно ему принадлежала идея поехать в эту полузаброшенную деревню.

— Нам туда, — Цин Чень махнул рукой влево и, развернувшись, ушел.

Пару мгновений Лусы смотрела ему в спину, а потом повернулась к багажнику. А Ли как раз доставал сумки и чемоданы и выстраивал их в ряд. Больше всего вещей потащил с собой, конечно же, Хон. Воображая себя великолепным фотографом, он обязательно возил во все студенческие поездки, на все, даже самые заурядные экскурсии целый арсенал фотокамер, объективов, штативов и приспособлений, названия которых и назначение оставались для Лусы загадкой. Он споро навьючился всем этим барахлом и еще прихватил сумку Лусы, едва ли не в зубы ее взял. Он, несомненно, относился к числу ее обожателей.

Идти пришлось далеко. Дорога была сырой, неровной, скользкой, а света дешевых, старых электрических фонарей, которые раздал мрачный Цин Чень, едва хватало на то, чтобы осветить собственные ноги. Все прочее тонуло во мраке, и только зловеще поблескивали вдалеке огни деревеньки. Ночь опустилась внезапно. А может, это и не ночь была — в такой темноте невозможно было рассмотреть циферблат часов, а доставать телефон не хотелось из-за дождя. Возможно, дело было не во времени, а в мрачных горах, окружающих долину. Их зубья то и дело выделялись на фоне темного грозового неба.

Прошла, кажется, целая вечность, но наконец дорога закончилась. Уперлась в приземистое двухэтажное строение, которое осветила целая гирлянда белых